

Сунь Цзинь очень хотел сказать им, что в коридоре установлена камера.

Девушка приподняла край школьной формы Сунь Синланя, обнажив безупречную линию мускулистого торса. Полоска нижнего белья выглядывала из-под пояса брюк, а едва различимый логотип бренда, словно татуировка, облегал бледную кожу, излучая неприкрытую дикость.

Когда девушка потянулась к краю белья, собираясь стянуть его вниз, Сунь Синлань спросил:

— Тебе так хочется похвастаться тем, что ты со мной переспала?

Девушка замерла, в панике вскинула голову и пролепетала:

— Что?

— Терпеть не могу, когда то, что происходит в постели, выносят наружу, — Сунь Синлань выпустил облако дыма и медленно добавил: — Ты не первая, с кем я спал, но первая, кто так любит об этом трепаться.

Девушка остолбенела и умолкла, словно растерявшись от того, что случайно задела болезненную струну в душе Сунь Синланя.

— Довольно, уходи, — сказал Сунь Синлань. — На этом закончим.

Девушка наконец поднялась и, всхлипывая, направилась к выходу. Сунь Цзинь в панике попытался спрятаться, но тут услышал слова Сунь Синланя:

— У дверей кто-то есть, советую спускаться по лестнице.

Сердце Сунь Цзиня сжалось. В шуме, стоявшем в ушах, он встретился взглядом с девушкой через дверной проем; ее глаза, покрасневшие от слез, были широко распахнуты.

Этот миг казался одновременно абсурдным и жутким, наполненным стыдом от того, что его застали врасплох. Прошло всего две секунды, но для Сунь Цзиня, с его бешено колотившимся сердцем, они растянулись на целую вечность. Все вокруг замерло, исчезло — остались лишь стук собственного сердца и пронзительный звон в ушах.

Наконец девушка развернулась и бросилась вниз по лестнице. Сунь Цзинь, тяжело дыша, устался в пол. Он чувствовал, что Сунь Синлань смотрит на него через щель в двери, но не мог пошевелиться, не мог даже выдать из себя ни слова.

Сунь Синлань все это время знал, что он за дверью.

Этот факт ударил Сунь Цзиня подобно молнии.

Спустя долгое время Сунь Цзинь протянул руку и медленно потянул дверь на себя.

— Прости, — произнес он.

Оправдываться или объясняться было бессмысленно — он действительно подслушивал. Сунь Цзинь не хотел устраивать сцен перед Сунь Синланем, это ничего бы не изменило: Сунь Синлань и так всё знал.

Сунь Синлань бросил окурок на пол и раздавил его ногой, а затем спросил:

— Разочарован?

— ...В чем? — Сунь Цзинь, уже вышедший в коридор, непонимающе посмотрел на него.

— Что не увидел реалити-шоу, — Сунь Синлань криво усмехнулся, глядя на Сунь Цзиня. — Впрочем, ты же гомосексуал, такие вещи, как у нас, тебя вряд ли интересуют, верно?

Даже при том, что Сунь Цзинь был виноват в подслушивании, подобные язвительные насмешки Сунь Синлани были крайне утомительны.

— Я просто пришел проверить, все ли у тебя в порядке, — сказал Сунь Цзинь. — Если все хорошо, я пойду.

Однако прежде чем он успел повернуться, Сунь Синлань схватил его за руку, толкнул назад к стене и навис над ним.

Он был значительно выше Сунь Цзиня, его тело уже стало почти взрослым. Когда он прижал его к себе, Сунь Цзиню показалось, что бежать некуда.

И он действительно был заперт.

— Твоя фальшивая забота мне не нужна, — сказал Сунь Синлань.

Его челка слиплась от красного вина, на белой школьной рубашке расплывалось багровое пятно, напоминающее извилистую лиану. От него разило спиртным вперемешку с мятным запахом сигарет — Сунь Цзинь помнил, что за столом Сунь Синлань выпил немало.

Но когда Сунь Синлань произнес следующее, Сунь Цзинь ощутил нечто шокирующее и абсурдное; это невозможно было списать на простое опьянение.

Сунь Синлань сказал:

— Если так хочешь проявить заботу, сделай то, что она не успела закончить.

Сунь Цзинь на секунду оцепенел. Осознав услышанное, он часто задышал, разинув рот от немыслимого потрясения.

Против света он не мог разглядеть выражение лица Сунь Синланя, знал лишь одно: слова брата были выше предела его выносимости, и ни на что другое у него просто не осталось сил.

— Не понимаешь? — Сунь Синлань протянул руку, сжал подбородок Сунь Цзиня, заставляя поднять голову, и по слогам произнес: — Сделай мне минет.

Сунь Цзинь прижался спиной к стене, чувствуя, как в груди рождается нечто чужеродное, парализующее мысли. Ему казалось, что перед ним стоит не Сунь Синлань, не его младший брат, а лишенный разума зверь.

— Сунь Синлань... — Сунь Цзинь уперся локтями в грудь брата, пытаясь сохранить хрупкую дистанцию. Его голос дрожал, он прошипел: — Если ты болен — лечись, не сходи с ума здесь.

Черты лица у Сунь Цзиня были тонкие и красивые, обычно он выглядел мягким и покорным, и даже сейчас, когда он действительно разозлился, в нем не было ни капли свирепости. Сунь Синлань, глядя на него сверху вниз, видел лишь упрямство, легкое раздражение и нахмуренные брови — никакой угрозы.

— Кто болен? — спросил Сунь Синлань. Он наклонил голову, вглядываясь в красивые глаза брата. — Если я прошу сделать мне минет — значит, я болен? А когда ты делаешь это другим, кто болен — ты или твой парень?

— Не приписывай мне выдуманных мужчин, — отрезал Сунь Цзинь. — Следи за своим языком.

— Разве нет? Тот, с которым ты ходил в кино, — безразлично спросил Сунь Синлань.

Сунь Цзинь на мгновение растерялся:

— Откуда ты знаешь?

Раньше у него действительно был парень, старшекурсник. У него был хороший характер, он сам ухаживал за Сунь Цзинем. Они встречались около двух месяцев, пару раз сходили поужинать, посмотрели несколько фильмов, а потом Сунь Цзинь предложил расстаться.

Сунь Цзинь считал, что он действительно болен: парень был к нему так добр, что он чувствовал себя не в своей тарелке, не зная, как это принять.

После расставания он много думал. По сути, дело было в низкой самооценке: он считал, что недостоин такого хорошего человека.

Словно насекомое, живущее во тьме — стоит ему подольше побыть на солнце, как оно начнет чахнуть.

— Что, только тебе разрешено ходить в кино? — спросил Сунь Синлань. — Значит, признаешь?

— Нет, — Сунь Цзинь отвел взгляд, уходя от пристального взгляда брата. — Мы расстались.

Если признание могло заставить Сунь Синлана прекратить безумствовать, Сунь Цзинь был готов сказать ему, что с тем парнем у них даже до интима не дошло.

— О, — Сунь Синлань, казалось, ничуть не удивился. Он усмехнулся, его дыхание опалило шею Сунь Цзиня. — Впрочем, неудивительно. Такие, как ты, быстро наскучивают.

Адамово яблоко Сунь Цзиня дернулось, но он промолчал.

— Во всем посредственный, еще и любишь притворяться, причем даже это делаешь плохо, — Сунь Синлань сжал его подбородок, заставляя смотреть на себя. — Сунь Цзинь, ты ведь и сам себя презираешь, правда?

Сунь Цзинь чувствовал, будто его разорвали на части, а каждая деталь его души оказалась у Сунь Синлана в кулаке. Если это все из-за родства по крови, то как Сунь Синлань может видеть его насквозь, в то время как он сам совершенно не понимает младшего брата?

— Да, презираю, — ответил Сунь Цзинь, глядя прямо ему в глаза. — Потому что я гомосексуал, а мой брат — безумец. Доволен?

Оказалось, насмешки окружающих — это пустяки. Настоящая пытка — это самому признать всё то ничтожное, что ты в себе видишь.

Сунь Синлань ничуть не разозлился, напротив, он выглядел как учитель, наконец-то воспитавший удовлетворяющего его ученика. Он рассмеялся, одной рукой уперся в стену рядом с головой Сунь Цзиня, а другой сжал его тонкую белую шею. Его смех звучал в коридоре отчетливо и пугающе.

— Выходит, ты и сам знаешь, что гомосексуал и безумец — одно и то же? — сказал он, смеясь.

Сунь Цзинь, не выдержав, сжал правую руку в кулак и попытался ударить брата в лицо.

Сунь Синлань вмиг перестал смеяться, перехватил запястье Сунь Цзиня, прижал его к стене, а затем наклонился и точно впился в губы брата.

Движение было свирепым и резким, события понеслись по неожиданному руслу. Сунь Цзинь изо всех сил вытаращил глаза, но его обзор заслоняло лицо Сунь Синлани — он видел лишь его высокий переносицу и смазанную тень от ресниц.

— М-м... — Сунь Цзинь инстинктивно попытался оттолкнуть его, когда мозг еще не успел осознать происходящее. Он не мог ни о чем думать, только сопротивлялся на одних инстинктах. Каждая нервная клетка в его теле была натянута до предела, крича об опасности.

Сунь Синлань схватил руку Сунь Цзиня, которой тот отчаянно пытался сопротивляться, и удерживал ее с невероятной силой, словно обезумевший пьяница. Но Сунь Цзинь знал: сейчас Сунь Синлань трезв как никогда.

Именно поэтому он и выбрал такой способ унижить его — потому что Сунь Цзинь гомосексуал, человек, который ему противен.

А почему Сунь Синлань прибег к таким методам? Ответ был очевиден: по своей натуре он безумец, не знающий никаких правил. В конце концов, не каждый станет на глазах у толпы выставлять напоказ частную жизнь собственного отца.

Сунь Синлань одной рукой удерживал обе руки Сунь Цзиня за спиной, а другой вцепился ему в шею, заставляя запрокинуть голову, и проник языком в рот. Сунь Цзинь почувствовал вкус крови — она сочилась из ранки, которую Сунь Синлань нанес ему, прикусив губу.

Боль, онемение, слюна вперемешку с кровью, безумный и тошнотворный привкус вина и табака... Сунь Цзинь не мог вырваться из хватки, будучи намертво прижатым к углу. Он был вынужден принять этот жестокий, яростный поцелуй. На глазах навернулись непроизвольные слезы. Через плечо Сунь Синлани Сунь Цзинь смутно разглядел в углу напротив камеру с мигающим красным огоньком.

Всего несколько минут назад он переживал, не попали ли они с девушкой в объектив, а теперь сам оказался под прицелом, словно беспомощный смертник с ножом у горла — оставалось лишь закрыть глаза и терпеть.

Сунь Синлань злобно играл своим языком с кончиком языка Сунь Цзиня. Тяжелое дыхание в ушах звучало как похоронный колокол перед казнью. Звук влажных поцелуев был до того двусмысленным и безжалостным, до того отчетливым... Кадык Сунь Цзиня ходил ходуном под ладонью Сунь Синлани, а из горла вырывались невнятные всхлипы, смешанные с болезненными вдохами.

Ему нестерпимо хотелось откусить Сунь Синланю язык.

И он сделал это. Поняв, что если продолжит терпеть, ситуация станет только хуже, Сунь Цзинь с силой впился зубами в кончик языка брата.

Сунь Синлань не издал ни звука, лишь резко отстранился. Влажные губы разомкнулись, хватка ослабла, и Сунь Цзинь тут же врезал кулаком брату в угол рта.

От удара голову Сунь Синланя дернуло в сторону. Он провел кончиком языка по уголку рта — на его лице не дрогнул ни один мускул. В тусклом свете он походил на зверя, которому рана лишь придает ярости.

Стоило ему бросить косой взгляд исподлобья, как мышцы Сунь Цзиня сковало оцепенение.

Сунь Синлань схватил его за волосы и с силой ударил затылком о стену. В ушах мгновенно зазвенело, перед глазами поплыли искры, а тело провалилось в бездну головокружительной невесомости, ноги подкосились.

— Сунь Синлань, хватит сходить с ума!

Сунь Цзинь уже не следил за тем, насколько громко кричит. Он прислонился к стене, чувствуя, как перед глазами темнеет. Стыд, страх, ярость и ненависть, которая раз за разом вырывалась наружу — никогда еще он так сильно не жалел, что у него есть этот брат.

Или, наоборот, жалел, что он сам его старший брат. Он не понимал, как они дошли до такой жизни.

— Ты укусил меня, еще и ударил, — голос Сунь Синланя, низкий и хриплый, переплетался с гулом в ушах Сунь Цзиня. — Схватив тебя за волосы, я еще проявил милосердие.

— Сунь Цзинь, если мы действительно начнем драться, как думаешь, чем все закончится для тебя?

Он говорил это так, будто нынешняя сцена была еще в рамках его снисходительности.

В воздухе висело только их тяжелое дыхание. Сунь Цзинь не хотел открывать глаза, словно так можно было убежать от части реальности.

— Чего ты от меня хочешь...

Если бы Сунь Синлань назвал конкретное требование, Сунь Цзинь был бы готов выполнить его любой ценой. Он не хотел, чтобы каждая встреча с братом заканчивалась подобными абсурдными сценами. В этот раз — насильственный поцелуй, а что будет в следующий? При таком характере Сунь Синланя Сунь Цзинь боялся даже представить.

— Слишком много думаешь, — усмехнулся Сунь Синлань. — Чтобы я предъявлял тебе требования, ты еще недостаточно хорош.

Тот, с кем можно обращаться как угодно, действительно не достоин ответов.

Сунь Синлань, словно устав здесь находиться, разжал руки и пошел прочь. Тяжелая дверь двигалась по инерции, открываясь и закрываясь. Свет из коридора, обычно ничем не отличавшийся, сейчас казался ярче. По мере того как дверная щель то расширялась, то сужалась, свет падал на темный пол за дверью то широкой, то узкой полосой, но так и не коснулся мысков ботинок Сунь Цзиня.

Сунь Цзинь растерянно стоял на месте. Спустя долгое время он протянул руку и потрогал затылок — там была сплошная тупая боль, должно быть, образовалась шишка. Губы тоже болели, вкус крови никак не проходил, рана наверняка была заметной.

Он помнил, что ничего с собой не брал, так что возвращаться в банкетный зал нужды не было. Сунь Сянпину сейчас было не до него, и если он не появится, окружающим, возможно, станет даже легче.

Сунь Цзинь повернулся и побрел к лестнице. Ноги отяжелели и ныли, даже спуск по лестнице давался с трудом.

В тот вечер Сунь Цзинь лишь отправил сообщение в WeChat Сунь Сянпину, что ушел пораньше. О том, что было потом, он ничего не знал, и о том, как разворачивались события в семье, знать не желал. Он хотел лишь одного — держаться от семьи Сунь как можно дальше.

Это чувство, возникшее спустя несколько лет, было даже сильнее, чем тогда, когда он только приехал в дом Сунь.

<http://bllate.org/book/22345/2341088>